

ЧТО БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО

Из будущей книги того же названия

В середине тридцатых годов руководство Ленинградского союза композиторов затеяло капитальный ремонт помещения. Однако деятельность Союза продолжалась несмотря на полный ералаш — заседали творческие комиссии, работники аппарата аккуратно приходили на службу.

Солнечным весенним днем в одном из кабинетов с заляпанными стенами и вывороченным паркетом (вся мебель была вынесена, и оставался только концертный рояль "Бехштейн") шло прослушивание нового сочинения маститого композитора В.В.Щербачева — сюиты из музыки к кинофильму "Гроза".

Исполнял ее сам автор, сидя на колченогой табуретке кухонного типа, а все слушатели сгрудились вокруг рояля, почтительно внимая опусу уважаемого коллеги.

В разгар прослушивания с треском растворились двустворчатые двери и в комнату вошел приятной внешности

молодой человек восточного типа в сопровождении трех богатырей в грубых брезентовых плащах.

— Извините, ради Бога, товарищи, но я вынужден прервать ваше уважаемое собрание, так как нам везти рояль очень далеко, а специалисты-мастера приехали на фабрику сегодня, как было договорено с вашим начальством. И сейчас же возьмут его в работу.

Размахивая какими-то счетами и накладными, он дал знак своим спутникам, которые, умело пристроив крюки и лямки к "Бехштейну", крихтя и надрываясь, потащили его к выходу. Сам же руководитель этой операции, крепко обнимая отвинченные от инструмента ножки, утешительно сообщил огорченному композитору и его коллегам:

— Не волнуйтесь! Ровно через три дня инструмент вернется к вам в идеальном состоянии.

И еще раз галантно извинившись за доставленное неудобство, покинул помещение.

Больше этого рояля никто никогда и нигде не видел...

Года через два в Ленинграде состоялся большой судебный процесс по делу о крупном хищении коллекционных вин. Одним из главных обвиняемых был тот самый симпатичный молодой человек кавказского типа. Но эпизод с "Бехштейном" по ходу дела не был даже упомянут.

х х х

Я уезжал отдыхать на летние каникулы и по просьбе моего консерваторского товарища, студента дирижерского факультета Игоря Ипатова, жившего в общежитии, разрешил ему на это время поселиться в моей квартире. Юноша он был весьма воспитанный, из хорошей петербургской семьи, и ему вполне можно было довериться. А по возвращении домой после отдыха я вдруг обнаружил, что мой рояль исчез.

— Это ты, подлец, его продал? — гневно вскричал я. На что Игорь, невозмутимо улыбнувшись, слегка аристократически картавая, с барской небрежностью ответил:

— Время покажет!

Между прочим, я не так уж

сильно был огорчен потерей этого рояля фирмы "Беккер". Был он старой конструкции, прямострунный, ветхий, с западающими клавишами, безнадежно расстроенный. К тому же на вечеринке по поводу моего отъезда любезные коллеги и друзья налили в него воды, накидали баночных шпрот (к явному огорчению Ипатова, сильно сбив продажную цену инструмента). А наш старший коллега (и педагог!) известный композитор Гавриил Попов (не путать!) безуспешно пытался поймать ускользающих рыбок при помощи самодельной удочки.

х х х

Владимир Иванович Немирович-Данченко как-то посетил Большой театр, чтобы впервые посмотреть новый балет композитора Б. Асафьева "Пламя Парижа" — о Великой французской революции. Рядом с ним в партере сидел простой, явно деревенский, паренек, вероятно впервые попавший в театр, да и вообще в столицу. Он нетерпеливо ерзал в кресле, очевидно чего-то ожидая. И, наконец, не вытерпев, спросил у В.И.: "Извините, папаша! Когда же, наконец, запойт?" На что Немирович наизуательно пояснил: "Молодой человек! Это не опера, а балет. А в балете никогда не поют, только танцуют". В это время, согласно с партитурой, хор на сцене грянул "Карманышу", которую композитор новаторски ввел в традиционное балетное действие. Когда хор замолк, паренек наклонился к В.И. и не без ехидства спросил: "Что, папаша, тоже, видать, первый раз в театре?!"